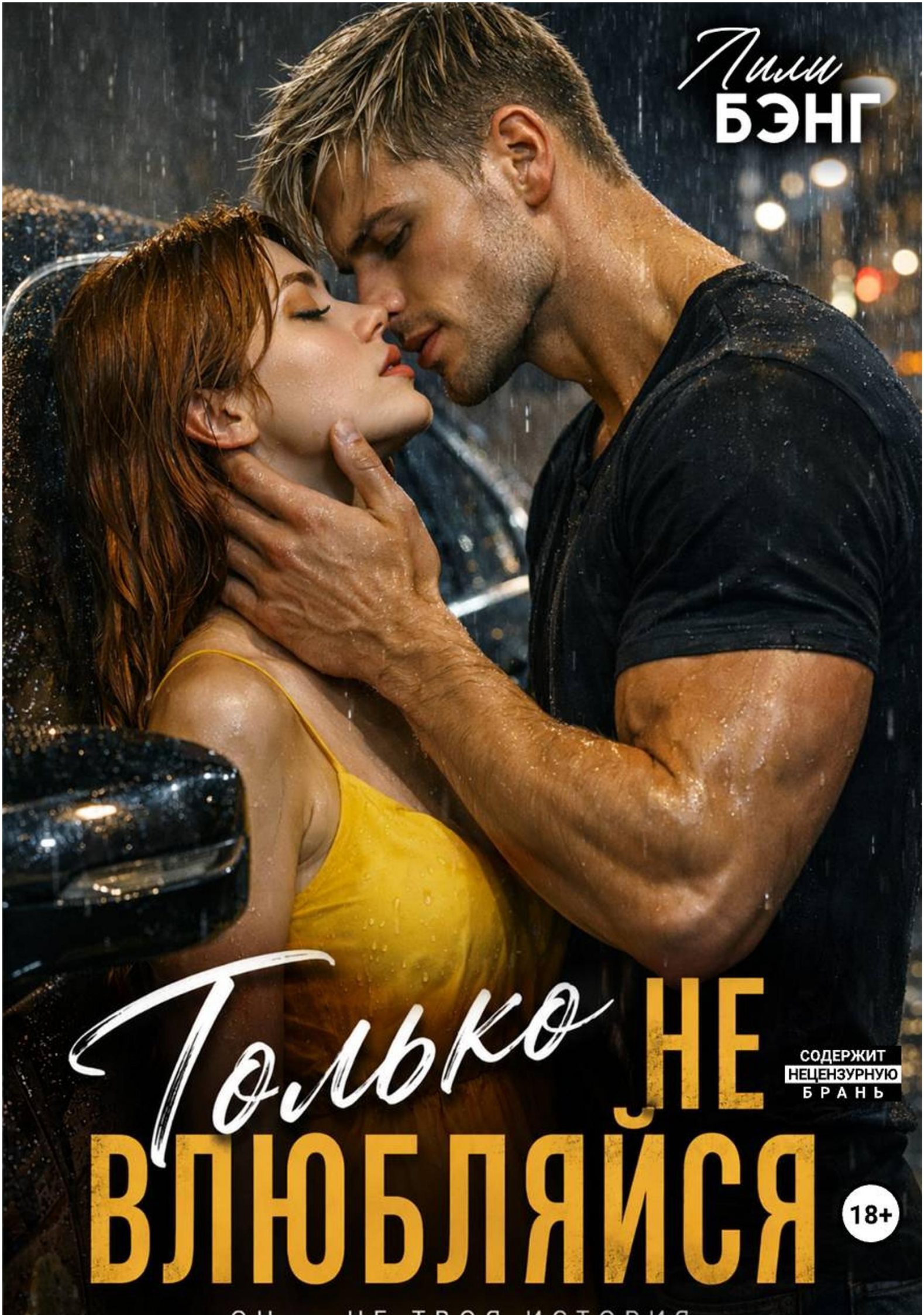

Лилли
БЭНГ
Только не влюбляйся
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Лили Бэнг

Только не влюбляйся

«Автор»
2026

Бэнг Л.

Только не влюбляйся / Л. Бэнг — «Автор», 2026

– Забирай, Дем, – ржет Марат за спиной. – Она бешеная, но тебе такие нравятся.Я резко вскидываю голову.– Я не вещь.– Да? – тихо произносит Демид.Он медленно поднимается с дивана. Подходит слишком близко.Я упрямо задираю подбородок, хотя внутри всё начинает неприятно звенеть от напряжения.За спиной кто-то ржет, но Демид даже не оборачивается.Продолжает смотреть мне в глаза.– Обычно девушки здесь ведут себя умнее.Я криво усмехаюсь.– Обычно девушки здесь хотят ваших денег. Поэтому и молчат.На секунду между нами повисает тишина.Демид чуть наклоняется ко мне.Так близко, что я чувствую на губах его дыхание.– А ты, значит, у нас особенная?

© Бэнг Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 19
Глава 7 22
Глава 8 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Лили Бэнг
Только не влюбляйся

Глава 1

– Улыбайся шире, Тай. Сегодня мажоры гуляют. Будут сорить бабками.

Света поправляет перед зеркалом декольте и щедро проходится по губам красной помадой. Она сегодня даже вместо формы официантки просто черно платье с глубоким декольте надела, а поверх белый фартук повязала.

Я молча затягиваю пояс своего фартука.

– У кого-то из мажоров день рождения, – продолжает щебетать напарница, поворачиваясь ко мне. Глаза у неё горят охотничьим азартом. – Они сняли весь VIP-сектор. Эти придурки, когда обожранные в хлам деньгами расшвыриваются, можно чаевыми месячную зарплату сделать. В прошлый раз один из них вообще из игрушечной пушки пятитысячными купюрами стрелял. Я тогда двадцатку с пола подняла, прикинь? Так что пользуйся случаем. Включай обаяние.

Я ничего не отвечаю, только плотнее сжимаю челюсти.

Включать обаяние перед опьяневшими от собственной безнаказанности козлами с безлимитными кредитками – это последнее, что я хочу делать в этой жизни.

Богатые сыночки ничем не лучше остальных мужчин.

Разница между богатыми и бедными мудаками только в стоимости их часов.

И те, и другие смотрят на женщин как на кусок мяса.

Здесь, в клубе, мне уже не раз пытались сунуть купюры в вырез блузки, шлёпали по ягодицам и предлагали поехать в сауну на всю ночь.

Моя реакция всегда одна – ледяной игнор.

У меня давно отросла непробиваемая броня, которой я научилась ещё в школе, когда меня травили за бедность.

Я толкаю дверь подсобки и выхожу в зал. Басы бьют по ушам. В воздухе висит густой запах кальяна, дорогого табака и алкоголя.

Стискиваю зубы, беру с барной стойки рабочий планшет и направляюсь к нужному столику на возвышении.

Я заранее знаю, как пройдёт эта смена: высокомерные взгляды, щёлканье пальцами, требования принести то, чего нет в меню.

Они не умеют нормально общаться с людьми вне своей тусовки.

Подхожу к диванам. За столом сидит компания из пяти-шести парней.

– Добрый вечер. Слушаю вас, – ровным тоном произношу я, доставая ручку.

Один из них, светловолосый, развалился в центре кожаного дивана.

На нём чёрная рубашка, рукава небрежно закатаны. Он даже не поднимает на меня глаза.

Смотрит сквозь, словно перед ним не человек, а предмет интерьера.

Остальные шумят, ржут, перебивают друг друга.

А этот молчит.

И почему-то всё равно понятно – главный здесь он.

– «Хеннесси Паради». Пару бутылок. И лёд, – бросает он сухо.

Я киваю, собираясь отойти к бару, но не успеваю сделать и шага. Запястье обхватывают мужские пальцы. Парень, сидящий на краю дивана, резко дёргает меня на себя.

Планшет чудом не падает на пол. Я врезаюсь бедром в край стола, когда брюнет с наглой ухмылкой тянет меня за талию, пытаясь усадить к себе на колени.

– Куда торопишься, красавица? Посиди с нами, – тянет он, обдавая меня запахом виски.

Я упираюсь руками ему в плечи, пытаясь отстраниться, но держит он крепко.

Светловолосый, наконец, поворачивает голову.

Его тяжёлый взгляд цепляется за меня.

Так смотрят на шум, который мешает отдыхать.

– Марат, тормози, – голос светловолосого звучит без раздражения, просто как приказ. – Заказали же эскортниц. Скоро приедут. Тебе девочек мало?

Марат хмыкает, не убирая рук с моей талии.

– Да ну их, Дем. Терпеть не могу этих эскортниц, они как рыбы мороженые. Молчат и делают только то, что прикажешь. Скукота. – Он нагло ощупывает меня взглядом. – А эта… посмотри, какая дикая. Горячая.

Меня прошивает мерзким дежавю.

На секунду снова хочется содрать с себя кожу.

Это чувство беспомощности и грязи, которое я поклялась себе больше никогда не испытывать.

Пальцы Марата скользят выше, забираются под край моей форменной футболки и касаются голой кожи на животе.

Я больше не думаю о работе, о чаевых и о том, что передо мной мажор, которому позволено всё.

Моё тело действует на инстинктах.

Я сжимаю свободную руку в кулак и наотмашь бью его прямо в лицо.

Костяшки больно врезаются в хрящ его носа. Марат издаёт сдавленный рык и отшатывается, выпуская меня.

Из его носа на белую футболку тут же начинает капать кровь.

Я делаю шаг назад, тяжело дыша. На секунду за столиком повисает мёртвая тишина.

Даже светловолосый Демид чуть подаётся вперёд, в его глазах удивление.

А затем лицо Марата искажается яростью.

Он вскакивает, сгребает меня за волосы на затылке с такой силой, что на глаза наворачиваются слёзы, и одним резким рывком припечатывает моим же лицом о стеклянную столешницу.

Воздух выбивает из лёгких. В ушах звенит от удара. Я чувствую вкус крови во рту.

– Ты что, мразь?! – орёт Марат над моим ухом. – Совсем охренела?!

Глава 2

Боль обжигает скулу. Стекло столешницы холодит кожу, пока Марат продолжает вдавливать меня в стол.

Я не кричу. Не унижаюсь. Только до скрипа стискиваю зубы, глотая солёный привкус крови, и пытаюсь нащупать рукой хоть что-нибудь тяжёлое. Пепельницу. Стакан. Плевать. Если я сейчас дотянусь, я разобью это о его голову.

– Пусти, – цежу я сквозь зубы.

– Я тебя уволю, сука. Ты у меня на коленях ползать будешь! – рычит он, брызгая слюной.

Я уже нащупываю пальцами тяжёлое дно стакана с виски, когда сверху раздаётся спокойный, почти ленивый голос:

– Марат. Убрал от неё руки.

Хватка на моих волосах не слабеет.

– Дем, ты видел, что эта дрянь сделала?! Она мне нос сломала!

– Убрал. Руки.

Демид даже голос не повышает.

Но за столом мгновенно становится тихо.

Марат тяжело дышит, но пальцы разжимает.

Я тут же отшатываюсь от стола. Выпрямляюсь, тяжело дыша, и рефлекторно вытираю тыльной стороной ладони разбитую губу. На коже остаётся красный след.

Вся компания притихла. Музыка в клубе по-прежнему долбит по ушам, но за этим столиком словно выкачали воздух.

Марат зажимает нос салфеткой, которая мгновенно пропитывается алым. Он смотрит на меня с такой ненавистью, что обычная девчонка уже упала бы в обморок. Но я не обычная. Я с шести лет видела и не таких уродов.

Я перевожу взгляд на Демида.

Он даже не двигается.

Только смотрит на меня так, будто пытается понять, что я вообще такое.

Будто я для него диковинная зверушка, которая вдруг показала клыки.

– Забирай, Дем, – ржёт Марат за спиной, хотя смех выходит гнусавым из-за разбитого носа. – Она бешеная, но тебе такие нравятся.

Я резко вскидываю голову.

– Я не вещь.

– Да? – тихо произносит Демид.

Он поднимается с дивана. И вдруг, оказывается, слишком большим.

Широкие плечи обтянуты чёрной тканью рубашки. Он подходит вплотную. Слишком близко.

Я упрямо задираю подбородок, хотя внутри всё начинает неприятно звенеть от напряжения

За спиной кто-то ржёт, но Демид даже не оборачивается.

Продолжает смотреть мне в глаза.

– Обычно девушки здесь ведут себя умнее.

Я криво усмехаюсь.

– Обычно девушки здесь хотят ваших денег. Поэтому и молчат.

На секунду между нами повисает тишина.

Демид чуть наклоняется ко мне.

Так близко, что я чувствую на губах его дыхание. От него пахнет дорогим алкоголем и мятой.

– А ты, значит, у нас особенная?

– Я просто брезгливая, – чеканю я, не отводя взгляда.

Несколько секунд Демид молчит, продолжая смотреть на меня с таким вниманием, что мне становится не по себе.

Будто пытается понять, почему я вообще смею так с ним разговаривать.

Потом чуть склоняет голову набок.

– Брезгливая, значит, – негромко произносит он. – И при этом работаешь в месте, где мужчины вроде Марата считают, что за деньги им позволено всё.

Меня передёргивает от его слов.

– Я пришла сюда работать, а не терпеть чужие руки под своей одеждой. А то, что вы не умеете себя вести это проблема общества и то, что вас терпят другие.

– Ты права. И если ты здесь работаешь, тебе стоит привыкнуть, – его голос по-прежнему остаётся ровным. – Потому что такие, как он, всегда будут думать, что могут купить всё, что захотят.

Он делает ещё один шаг ближе, и мне приходится сильнее запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза.

И почему-то именно это раздражает меня сильнее всего – то, насколько спокойно и уверенно он вторгается в моё пространство, будто заранее знает, что никто не посмеет его остановить.

– Не собираюсь привыкать.

– Смелая, – задумчиво произносит Демид, продолжая смотреть мне прямо в глаза. – Или просто дура.

– А ты, видимо, привык, что девушки рядом с тобой молчат и улыбаются.

– Обычно у них хватает мозгов не создавать себе проблемы.

– Если под “проблемами” ты имеешь в виду пьяных придурков, которые распускают руки, то да, с такими у меня всегда сложности.

На секунду его взгляд меняется. Становится внимательнее.

Словно до этого момента я была просто очередной официанткой, а теперь вдруг превратилась во что-то интересное.

Мне совершенно не нравится эта перемена.

– Ты слишком дерзко разговариваешь для человека в своём положении, – негромко говорит Демид.

– Прости, не успела научиться заглядывать мажорам в рот.

За спиной снова становится тихо.

Я почти физически чувствую взгляды остальных парней, но отвести глаза от Демида почему-то не получается.

Он смотрит на меня так, будто мысленно уже просчитывает, что со мной делать дальше.

И именно это начинает нервировать сильнее всего.

Потому что когда на меня орут и угрожают я знаю, что делать.

А вот это его спокойствие – нет.

– Тебе кто-нибудь говорил, что инстинкт самосохранения у тебя работает отвратительно? – спрашивает он после короткой паузы.

– А тебе кто-нибудь говорил, что деньги не делают тебя богом?

Уголок его рта едва заметно дёргается.

Только теперь в этой почти улыбке нет ни капли веселья.

– Нет, Тая, – тихо произносит он. – Они делают так, что люди вроде тебя очень быстро исчезают из таких мест, если начинают забываться.

По позвоночнику пробегает неприятный холод.

Наверное, я должна испугаться.

Наверное, должна хотя бы сделать вид, что поняла намёк.

Но внутри тишина. Может, и правда мой инстинкт самосохранения отказал.

– Тогда выгоняй, – говорю я, не отводя взгляда. – Или что вы обычно делаете с девушками, которые вам отказывают? Ломаешь им жизнь? Покупаешь? Запугиваешь?

– Зачем мне кого-то ломать? – спокойно спрашивает он. – Девушки обычно сами делают всё, чтобы остаться рядом со мной.

– Ты самовлюблённый эгоист, – холодно отвечаю я.

– А это и не самовлюблённость, малышка, – произносит Демид, слегка склоняясь ближе. – Это опыт.

Глава 3

– Жопыт, – коротко и зло бросаю я.

От этого глупого, детского слова у меня самой сводит челюсть. Но брать его обратно я не собираюсь.

Смех за столом обрывается.

Расслабленность мгновенно слетает с лица Демида. В его глазах появляется холод.

В ту же секунду его рука взлетает вверх. Я даже дёрнуться не успеваю. Его пальцы жёстко обхватывают мой подбородок. Не больно, но так уверенно, что хрен вырвешься.

Он делает ещё полшага вперёд. Теперь мы стоим вплотную. От него несёт дорогим табаком и каким-то терпким парфюмом.

– Далеко пойдёшь с таким ртом, – произносит Демид.

Я стискиваю зубы, пытаясь дёрнуть головой, но он держит крепко.

И тут за моей спиной раздаются торопливые шаги.

– Демид Тимурович! Марат! Ребята, что случилось?!

Администратор Слава подлетает к столику. Лицо у него бледное, на лбу испарина.

Ещё бы. Кровь в VIP-зоне, разбитый нос постоянного клиента, скандал. Для клуба это катастрофа.

Демид нехотя разжимает пальцы и убирает руку от моего лица.

Слава с ужасом смотрит на окровавленную салфетку Марата, потом переводит взгляд на меня.

– Демид Тимурович, ради бога, простите! – Слава суетливо вытирает руки о брюки. – Девочка новенькая… То есть, переработала. Я сейчас же её уберу! Оштрафуем, уволим! Сию же минуту!

Внутри меня всё ухает вниз.

Прекрасно. Просто супер!

Я уже морально готова сорвать с себя этот идиотский фартук и послать их всех к чёрту.

Маратов, Демидов, этот клуб со всеми его понтами. Завтра найду другую работу. Да не такую денежную, но что поделать. Выкручусь как-нибудь. Не в первый раз меня жизнь с уродами сталкивает.

Я тянусь к завязкам на поясе, когда Демид вдруг говорит:

– Нет.

Слава замирает с приоткрытым ртом.

– Что, простите?

– Я хочу чтобы она осталась, – Демид засовывает руки в карманы брюк, и продолжает пристально смотреть на меня. – Она единственная, кто будет обслуживать наш столик сегодня. И всю неделю.

– Н-но… – Слава сглатывает.

– Я накину сто процентов к её зарплате за смену. Чаевыми, – добивает Демид.

Я хмурюсь. Он решил купить меня? Ага, сейчас прям расплылась от счастья.

– Мне не нужны твои деньги.

– Триста тысяч, – спокойно продолжает Демид, вообще не обращая внимания на мои слова.

У Славы глаза лезут на лоб. Он бросает на меня панический взгляд, в котором читается только одно: «Заткнись и кивни!».

– Я сказала, нет, – отрезаю я, снимаю фартук. – Я увольняюсь.

– Пятьсот, – Демида продолжает повышать ставки. И мне даже интересно на какой сумме он остановится.

Слава бледнеет ещё сильнее. Он хватает меня за локоть и шипит на ухо:

– Тая, не дури! Соглашайся!

Я молчу. Только из-за Славы. Он взял меня на работу полгода назад, когда я пришла сюда в стоптанных кроссовках, готовая мыть посуду за объедки. У меня тогда в кармане было сто рублей, а дома – пустой холодильник и мать в отключке. Слава влез в положение, дал аванс, прикрывал перед директором.

Я не хочу его подставлять. Но и терпеть этот аукцион от зажравшегося мажора не собираюсь.

– Хочешь миллион? – Демид чуть склоняет голову набок. – За одну ночь побегушек с подносом.

Я сжимаю зубы так, что ломит в висках. Господи, миллион. Для меня это большая сумма. Я стараюсь не думать об этом. Гордость сейчас важнее.

– Оставь свои подачки себе.

Уголок его губ едва заметно дёргается.

– Последнее предложение, Тая. Ты остаёшься обслуживать наш стол. За миллион. Либо ты сейчас уходишь, и завтра этот клуб закрывается. Навсегда.

В повисшей тишине слышно только, как долбит бас с танцпола.

Слава рядом со мной перестаёт дышать.

– Подумай, Тая, – негромко, почти ласково добивает Демид. – Готова ли ты оставить всех своих коллег без работы из-за своей гордости?

Ах ты сукин сын! Он загоняет меня в угол, не оставляя выбора.

Я смотрю на Славу, который выглядит так, будто сейчас упадёт в обморок. Потом на Демида, в его глазах читается настоящий азарт. Во вкус вошёл.

– Может тебе время дать на раздумье? – ухмыляется он.

Я уже готова рявкнуть «нет» на его ухмылку, но тут Слава вцепляется в мой локоть и тащит к себе.

– Да, Демид Тимурович, дайте ей время. Девушка в шоке. Ей надо прийти в себя.

– Я не в шоке, – упираюсь я. Но Слава уже тащит меня к служебному коридору.

Мы залетаем в подсобку, и он с силой захлопывает за нами дверь, отсекая басы с танцпола.

Слава отпускает мой локоть и начинает судорожно мерить шагами крошечное помещение. Его лицо пошло красными пятнами, а руки трясутся.

– Ты вообще понимаешь, что ты сейчас сделала?! – срывается он, переходя на яростный шёпот. – Ты кому перечишь, Тая?! Это Орлов! Демид Орлов! Ты хоть знаешь, чья это семья?

– Мне плевать, чья это семья, Слава, – я скрещиваю руки на груди, пытаясь унять дрожь. – Они не боги. И я не позволю какому-то обдолбанному уроду распускать руки, ясно?

– Распускать руки?! – Слава останавливается и смотрит на меня так, будто я только что призналась в убийстве. – Да если он захочет, он этот клуб снесёт завтра к чёртовой матери, а на его месте парковку построит! И никто ему слова не скажет! И мы все, все до единого, окажемся на улице!

Я упрямо поджимаю губы.

– Я сказала, что уволюсь. Проблема решена. Пусть подавится своим миллионом.

– Да какая проблема решена, дура ты малолетняя?! – Слава хватается за голову. – Ты не слышала, что он сказал? Он закроет клуб, если ты уйдёшь! Ему плевать на твоё увольнение, ему нужно, чтобы ты перед ним с подносом бегала! Это игра такая у них, понимаешь? Развлечение!

Я отвожу взгляд. Горло стягивает тугим узлом.

Я не боюсь Демида. Я вообще мужчин не боюсь, после того, что видела дома. Но подставлять людей, которые зависят от этой работы… уборщиц, барменов, того же Славу…

– Слав, я не буду перед ним унижаться, – тихо говорю я. – Ты видел, как он на меня смотрел. Он просто хочет меня растоптать. Доказать, что может купить.

Слава вдруг резко выдыхает, подходит ко мне вплотную и берёт за плечи.

– Тая. Таюш, послушай меня. Пожалуйста. – Он смотрит мне в глаза с таким отчаянием, что мне становится тошно. – Я тебя прошу. Умоляю. У меня ипотека. У Кати с бара сын болеет, ей нужны деньги на лекарства. Ты знаешь, сколько мы здесь зарабатываем. Если клуб закроют, мы не найдём место с такими чаевыми.

Я молчу. Слава давит на самое уязвимое.

– Он предложил тебе миллион, – продолжает Слава, чуть встряхивая меня. – Миллион, Тая! За неделю работы! Да ты сможешь за эти деньги год не работать! Снимешь нормальную квартиру, оплатишь учёбу на год вперед...

– Это грязные деньги.

– Это деньги! – отрезает Слава. – А деньги не пахнут, когда жрать нечего. Ты просто носишь ему коньяк и лёд. Всё! Стискиваешь зубы, улыбаешься и приносишь заказы. Никакого интима, никаких саун. Он сам сказал: только обслуживаешь столик.

Я отворачиваюсь. Внутри всё сопротивляется. Каждая клеточка орёт, что соглашаться нельзя. Это ловушка. Демид Орлов не отвалит миллион просто за то, чтобы я таскала ему бокалы. Ему нужно моё унижение.

– Пожалуйста, Тая. Ради меня, – тихо говорит Слава, опуская руки. – Я же тебе помог тогда. Помоги и ты нам.

Я прикрываю глаза. Перед глазами проносится моё убогое съёмное жильё, облупленные стены, вечная экономия на еде. И лицо матери, которое я хочу забыть как страшный сон.

Миллион рублей.

Это шанс вырваться. Настоящий шанс. И цена за него – моя гордость.

Я медленно открываю глаза. Делаю глубокий вдох, заталкивая всё своё отвращение глубоко внутрь.

– Ладно, – глухо говорю я. – Я согласна. Но если этот Марат ещё раз ко мне потянется, я разобью ему голову бутылкой. И мне плевать, закроет Демид клуб или нет.

Слава шумно выдыхает, утирая пот со лба.

– Спасибо. Я договорюсь, чтобы Марата держали на поводке. Иди. Не заставляй его ждать. И ради бога, Тая… поменьше огрызайся.

Глава 4

Я киваю, хотя челюсть сводит от напряжения.

Со злостью завязываю фартук обратно. Узел получается чересчур тугим.

Выхожу из подсобки, и меня тут же накрывает грохот басов. Танцпол живёт своей жизнью, лазеры режут полумрак. Никому нет дела до того, что в VIP-зоне только что разыграли меня и мою гордость на аукционе.

Подхожу к барной стойке.

– Два «Хеннесси Паради» и лёд на второй вип, – чеканю я бармену Максу.

Макс, обычно болтливый, сейчас только молча кивает и быстро ставит на поднос бутылки и ведёрко со льдом. Видимо, слухи по персоналу разлетелись быстрее скорости звука.

Беру поднос. Он тяжёлый, но это даже хорошо – отвлекает от дрожи в руках.

Поднимаюсь по ступенькам в VIP-зону.

За столом всё так же сидит компания. Марат уже без окровавленной салфетки, но с распухшим красным носом. Смотрит на меня исподлобья, как побитая псина, которая хочет укусить, но боится хозяина.

А «хозяин» сидит в центре дивана.

Демид Орлов.

Он даже не разговаривает с остальными. Просто крутит в руках пустой стакан и смотрит прямо на меня, пока я иду к столу.

Он знал, что я вернусь. Знал, что Слава меня дожмёт. Для него это всё – предсказуемый сценарий. Для меня же настоящее испытание и издевательство.

Я подхожу к столику. Ставлю поднос, сдерживая себя, чтобы не двинуть этой бутылкой ему по голове.

Аккуратно, не звеня стеклом, выставляю перед ним ведёрко со льдом и бутылки. Мои движения подчёркнуто механические, как у робота. Я не смотрю никому в глаза. Смотрю только на стол.

– Твой заказ, – ровно говорю я. Без «пожалуйста», без «приятного вечера».

Я уже собираюсь развернуться, чтобы уйти к бару и просто стоять там, пока им не понадобится что-то ещё, но голос Демида останавливает меня.

– Налей.

Я замираю. Выдыхаю сквозь зубы.

Беру бутылку. Открываю. Беру его стакан, щипцами кидаю туда два кубика льда. Наливаю на два пальца золотистой жидкости. Ставлю стакан перед ним.

– Всё? – спрашиваю я, глядя поверх его головы на стену.

– Пока да. Далеко не уходи.

Я молча киваю и отхожу к краю VIP-зоны, становясь у перил. Отсюда мне видно весь танцпол внизу, а им – меня.

Чувствую, как Марат сверлит меня взглядом. Если бы взглядом можно было убивать, от меня бы уже осталась кучка пепла.

Но больше всего напрягает Демид.

Он не пялится открыто, но его внимание я чувствую как что-то тёмное и давящее. Даже толком объяснить не могу. Некомфортно мне, тревожно. Последний раз так чувствовала себя, когда очередной мамин «друг» на кухне сидел с ножом с горячкой. От воспоминания волоски на руках поднимаются.

Проходит час.

Они пьют, заказывают ещё лёд, потом кальян. Я подхожу, приношу, убираю пустые бокалы и снова возвращаюсь на своё место у перил. Каждое моё действие сопровождается короткими приказами Демида. «Убери это», «принеси то». Он не хамит. Он просто разговаривает со мной как с функцией.

А потом к ним за столик поднимаются три девицы.

Те самые эскортницы, про которых он говорил в начале.

Яркие, накачанные силиконом, в платьях, которые больше похожи на широкие пояса. Они тут же с визгом рассаживаются по диванам. Двух притягивает к себе Марат, а третья, самая эффектная, с длинными чёрными волосами, плюхается прямо на колени к Демиду.

Я отворачиваюсь к танцполу. Мне плевать, кто у него на коленях. Хоть крокодил. Просто противно и мерзко.

– Эй, принеси нам шампанского! – кричит одна из девиц, щёлкая пальцами в мою сторону.

Я поворачиваюсь. Подхожу к столу.

– Какое? – сухо спрашиваю я.

– «Кристалл», естественно, – девица закатывает глаза, будто я спросила какую-то несусветную глупость.

Я киваю и собираюсь уйти, но брюнетка, сидящая на Демиде, вдруг капризно тянет:

– Дем, а почему нас обслуживает эта… – она брезгливо оглядывает мой фартук, – чувырла? У вас же тут нормальные официанты были.

Я застываю на месте.

Марат за столом мерзко хихикает.

Я смотрю прямо на Демида. Жду.

Он сидит, откинувшись на спинку дивана, одна рука хозяйски лежит на бедре брюнетки.

Демид медленно переводит взгляд с неё на меня.

– Она не чувырла, Милана, – холодно произносит Демид, что девица на его коленях заметно напрягается. – Она моя личная официантка на сегодня. Так что, будь добра, общайся с ней вежливо.

У Миланы отвисает челюсть. Она переводит ошарашенный взгляд на меня, потом снова на Демида.

А он продолжает смотреть только на меня. И в его потемневших глазах я вижу только издёвку. Он просто бросил кость, чтобы посмотреть, как я буду на неё реагировать.

Я не реагирую.

Разворачиваюсь и иду за их чёртовым шампанским.

Приношу «Кристалл», три узких бокала и расставляю всё на столе.

Марат в это время ведёт себя как животное. Откровенно распускает руки, тянет девиц за бретельки платьев, пытаясь стянуть ткань как можно ниже, прихватывает зубами за плечо. Иногда это у него получается, и те только картинно визжат, делая вид, что сопротивляются.

На контрасте с ним Демид выглядит отстранённым.

Брюнетка Милана всё так же сидит у него на коленях. Она льнёт к нему всем телом, изгибается, всячески пытаясь заслужить хоть каплю внимания. А он даже не пытается её обнять. Его руки спокойно лежат на спинке дивана, лицо холодное. Ему, похоже, это всё вообще неинтересно. Он просто позволяет ей там находиться и продолжает пить свой коньяк.

И постоянно дёргать меня.

То ему нужен новый лёд, то чистая пепельница, то салфетки, то убрать пустой бокал. Марат каждый раз довольно ржёт. Ему явно нравится эта задумка Демида – загонять строптивую официантку до потери пульса.

И я уже почти на грани. Челюсть сводит так, что болят зубы. Я готова сорвать фартук, кинуть ему в лицо этот поднос и послать их всех к дьяволу. Только умоляющий взгляд Славы, который нервно маячит внизу у барной стойки, заставляет меня держаться.

Когда Демид в очередной раз подзывает меня, чтобы я обновила ему коньяк, я не выдерживаю.

– Может, я сразу десять стаканов налью, и будешь пить один за другим?

Уголок его губ медленно ползёт вверх.

– Не можешь дождаться, когда меня вырубит? – усмехается он.

– Да не дождётся! – тут же встревает Марат, отрываясь от шеи своей спутницы. – Это она тебя просто не знает. Как ты пьёшь.

Я холодно смотрю в глаза Демида.

– О, даже не сомневаюсь. У вас же, наверное, в этом деле тоже большой опыт.

Уголок его губ снова дёргается. На этот раз это уже похоже на настоящую улыбку, только очень холодную.

– Дем, ну зачем ты вообще с ней разговариваешь? – капризно тянет Милана, пытаясь повернуть его лицо к себе. – Она же обслуга. Пусть нальёт и чешет отсюда, она меня бесит.

Демид медленно переводит взгляд на брюнетку. Смотрит на неё всего пару секунд, но так, что та мгновенно затыкается и убирает руки с его шеи.

– Слезь, – ровно произносит он.

Милана непонимающе хлопает нарощенными ресницами.

– Что? Дем, я же просто…

– Слезь с меня.

Голос негромкий, но в нём столько металла, что даже Марат затыкается и перестаёт тискать свою девицу.

Милана, покрываясь красными пятнами, послушно сползает с его колен и отодвигается на край дивана, нервно поправляя платье.

Демид подаётся вперёд. Опирается локтями о колени, крутит в пальцах бокал с коньяком, который я только что налила.

– Знаешь, что самое забавное? – спрашивает он, полностью игнорируя обиженное сопение брюнетки. – Ты так стараешься показать свои зубы. Но всё равно стоишь здесь и наливаешь мне выпить.

Я крепче сжимаю пальцами края пустого подноса.

Интересно, как сильно он обалдеет, если я приложу этим подносом, – проносится в голове совершенно сумасшедшая мысль.

– Я выполняю свою работу.

– Ты продаёшь свою гордость, Тая, – поправляет он. – За миллион.

– За миллион я ношу вам стаканы, – тихо отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. – А мою гордость вы не потянете, Орлов.

Глава 5

Демид перестаёт крутить бокал. Он смотрит пристально, изучающе, словно решает, с какой стороны меня лучше взломать.

Я не даю ему времени на ответ. Разворачиваюсь и ровным шагом направляюсь к лестнице. Спину держу прямо, хотя под лопатками зудит от напряжения.

Спускаюсь на первый этаж, прохожу за барную стойку и швыряю поднос на металлическую поверхность.

Тут же подскакивает Света. Глаза круглые, сама бледная.

– Тайка, ты реально бессмертная? – шипит она, опасливо косясь на второй этаж. – Я отсюда видела, как он на тебя смотрел. Думала, сейчас охрану позовёт, чтобы тебя прямо там прикопали.

– Пусть попробует, – глухо отзываюсь я.

Открываю кран и подставляю запястья под ледяную воду. Немного попускает пульс, который долбит в висках.

Остаток ночи превращается в изощрённую пытку на выносливость.

Я ношу лёд. Убираю пепельницы. Меняю бокалы. Марат напивается до состояния мычащего животного, девицы висят на нём гроздьями, пользуясь моментом, заказывают себе всё что хотят.

А Демид… Демид пьёт, но остаётся пугающе трезвым. Он больше не отпускает снисходительных комментариев и не пытается меня зацепить. Он просто наблюдает. Каждое моё движение, каждый подход к столу сопровождается его тяжёлым взглядом.

Это изматывает хуже физической работы.

К пяти утра клуб начинает пустеть. Танцпол редеет, музыка сменяется на более спокойную. У меня гудят икры, а в ушах стоит сплошной фоновый шум.

Наконец, компания наверху начинает рассасываться.

Марата под руки утаскивают два охранника клуба – сам он идти уже не в состоянии. Девицы семенят за ними, поправляя помятые платья.

Я поднимаюсь в вип-зону, чтобы убрать грязь. Беру поднос и начинаю методично сгружать на него пустые бутылки и липкие бокалы.

Демид всё ещё здесь. Стоит у края стола, накидывая на плечи чёрную куртку.

Я не обращаю на него внимания. Беру грязную пепельницу.

– Слава закроет счёт с моей карты, – ровно произносит Орлов.

Я молча киваю, продолжая протирать липкие пятна на столе.

Он делает шаг ко мне. Я замираю с тряпкой в руке, но не отступаю ни на миллиметр.

Демид останавливается вплотную. Запах дорогого алкоголя и терпкого парфюма бьёт по рецепторам, перебивая все остальные запахи клуба.

– Завтра в десять, Тая, – говорит он негромко.

Не дожидаясь ответа, он отворачивается и неспешным шагом спускается по лестнице вниз к выходу.

Наконец, я могу выдохнуть. Впереди ещё уборка и закрытие смены, но это всё уже не кажется таким страшным по сравнению с прошедшей ночью.

Я выхожу из клуба, когда над городом уже занимается серый, промозглый рассвет.

Ноги гудят так, будто я смену на заводе отпахала, а не бегала с подносом. В голове будто колокол гудит, отдаваясь тупой болью в висках.

До своей комнаты в общаге я добираюсь почти на автопилоте, чуть не засыпая в метро.

Тихо открываю дверь, стараясь не разбудить соседку. Бросаю сумку на стул, раздеваюсь. Нужно в душ. Срочно. Иначе я просто не усну от этой липкой грязи, которой, кажется, пропиталась насквозь.

Беру полотенце, мыльные принадлежности и ползу по коридору.

Душ у нас один на пять комнат. Слава богу, в такую рань он свободен.

Я закрываю хлипкую щеколду, открываю кран и... матерюсь.

Точно. Вчера же на вахте висело объявление про отключение горячей воды из-за аварии.

Греть воду в чайнике нет ни сил, ни времени. Мне нужно поспать хоть немного.

Я стискиваю зубы и встаю под ледяные струи. Вода обжигает холодом, перехватывает дыхание, но зато мгновенно смывает остатки ночного оцепенения. Быстро намыливаюсь, смываю пену и выскакиваю, дрожа всем телом.

Закутавшись в полотенце, возвращаюсь в комнату. Залезаю под тонкое одеяло, пытаясь согреться.

До будильника остаётся два часа.

Сегодня пары к двенадцати. Первый учебный день на первом курсе. И я понятия не имею, как выдержу эту неделю. Из-за чёртового пари с Демидом мне придётся каждый вечер мотаться в клуб. А значит, на сон времени почти не останется.

Можно было бы пропустить пару дней в универе, но от одной мысли об этом внутри всё протестует.

Я слишком дорого заплатила за это место. Этот грант, бюджетное место в элитном вузе – я выгрызла себе его зубами. Без репетиторов, без помощи родителей, ночами сидя за учебниками.

Матери до моей учёбы дела никогда не было.

Пока мне не исполнилось двенадцать, она ещё как-то держалась. Пила, но без жёстких запоев. А потом словно тормоза отказали. Она начала пропадать неделями, уходила в полный отрыв со своими сожителями. Которых за восемь лет было человек десять точно.

Я выживала, как могла. Чувство голода стало моим постоянным спутником. Иногда соседка тётя Галя подкармливала меня. А как-то раз в школе учительница по литературе отвела меня в сторону и тихо спросила, хорошо ли я питаюсь – у меня тогда на белой коже венки просвечивали так, что страшно смотреть было. Я наврала, что у меня просто всё хорошо. Не могла признаться. Стыдно было до одури.

Мать иногда, в редкие моменты трезвости, покупала мне йогурт или шоколадку, когда получала пенсию по потере кормильца. Мой папа был строителем. Погиб на стройке – бетонная плита упала и переломала его. От него остались только старые фотографии и эта копеечная пенсия.

Только устроившись в клуб, я смогла, наконец, отделаться от чувства голода и нормально есть. Покупать сыр, мясо, фрукты – всё то, что раньше видела только на рекламных плакатах.

И я не позволю Орлову или кому-то ещё всё это у меня отнять.

Я не заметила, как глаза сами закрылись, и провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Будильник взрывается над ухом мерзким писком.

Я резко сажусь на кровати, невидяще глядя в стену. Минут пять не могу понять, где я, какой сегодня день и зачем мне куда-то идти. Глаза режет, словно туда песка насыпали, всё тело ломит.

Кое-как заставляю себя сползти с кровати.

Умываюсь, натягиваю удобные джинсы, чёрный свитшот, собираю волосы в тугой хвост. Никакого макияжа, времени нет, да и желания тоже. Бледность скрою за капюшоном.

В метро меня клонит в сон, я прислоняюсь к стеклу и пытаюсь доспать хотя бы двадцать минут.

В холл университета я вваливаюсь за десять минут до начала пары.

Вокруг шумно. Студенты – загорелые после курортов, в брендовых шмотках, с дорогими телефонами – радостно приветствуют друг друга, обсуждают лето. Я пробираюсь сквозь эту яркую толпу, стараясь ни с кем не пересекаться взглядом.

Главное – дойти до аудитории, сесть на заднюю парту и слиться со стеной.

Я смотрю в расписание в телефоне, поднимаю глаза, чтобы сориентироваться, куда идти, и резко торможу.

Прямо по центру холла, у панорамного окна, стоит небольшая компания. Парни смеются, обсуждая что-то в телефонах.

А в центре стоит он.

Демид Орлов.

Без клубного полумрака, при дневном свете он выглядит ещё более властным и... дорогим. На нём светлая рубашка, идеально сидящие брюки, волосы небрежно зачёсаны назад.

Господи, ну за что? Ещё и здесь его не хватало.

Глава 6

Я замираю, молясь, чтобы он меня не заметил. Просто пройду мимо, по стеночке незаметно. Может, получится.

Делаю шаг влево, сливаясь с потоком студентов, спешащих к расписанию. Ещё пара метров, и я сверну в коридор.

Но тут слышу.

– О, вот и наша официанточка.

Это Марат. Вот урод! Кто просил его орать на весь холл?

Разговоры вокруг мгновенно стихают. Десятки голов поворачиваются в мою сторону.

Парни из свиты Демида, включая Марата, откровенно ржут. Девчонки в брендовых шмотках, стоящие неподалёку, окидывают меня высокомерными взглядами.

– Она что, реально официанткой работает? – доносится до меня громкий шёпот одной из них.

– А-а-а, – тянет вторая, кривя накрашенные губы. – Так вот кто она. Я-то думала, чё она как бомж одета.

Меня парализует.

Кровь отливает от лица, в ушах начинает звенеть. Это кошмар. Самый настоящий кошмар наяву.

Дежавю накрывает с головой, отбрасывая на несколько лет назад. Школа. Застиранная кофта, стоптанные кроссовки. Смешки за спиной. Презрительные взгляды. «Тайка-нищебродка».

Мороз продирает по коже, сковывая движения. Я стою посреди холла, среди мажоров, которые за один вечер тратят больше, чем я зарабатываю за месяц, и чувствую себя раздавленной.

Хочется зажмуриться. Развернуться и бежать, не оглядываясь, выскочить на улицу, спрятаться.

Но я знаю точно: покажу спину – сожрут. Стоит мне сейчас сбежать, и смешки не прекратятся.

Демид смотрит на меня, как всегда, пристально. Ждёт моей реакции. Ему интересно, как я себя поведу, как выкручусь.

Я делаю глубокий вдох. Лёгкие горят, но спина распрямляется сама собой.

Я вскидываю подбородок и смотрю прямо в насмешливые глаза Орлова.

– Да, официантка. И что?

Я обвожу взглядом толпу, задерживаясь на девчонках, которые только что обсуждали мои вещи, и снова перевожу глаза на Демида.

– В отличие от некоторых, – чеканю я каждое слово, – я хотя бы умею зарабатывать свои деньги. А не живу на деньги родителей.

В холле повисает мёртвая тишина. Никто больше не смеётся.

Я не жду реакции. Разворачиваюсь и шагаю к лестнице. Спину держу прямо, хотя под лопатками зудит от напряжения.

А потом за моей спиной раздаётся смех.

Громкий, развязный, издевательский смех Марата, который тут же подхватывают остальные.

Безумно хочется втянуть голову в плечи, съёжиться. Но я впиваюсь ногтями в ладони, приводя себя в чувство, и вздёргиваю подбородок ещё выше. Не дождутся. Я не доставлю им такого удовольствия.

Сворачиваю в коридор левого крыла. В груди бешено колотится сердце. Дыхание сбивается.

Я делаю ещё пару шагов, как вдруг чьи-то жёсткие пальцы железной хваткой смыкаются на моём предплечье.

Меня рывком дёргает назад.

Я даже пискнуть не успеваю. Меня буквально отрывают от пола. Чья-то сильная рука обхватывает меня поперёк талии, впечатывая в твёрдое, горячее тело. Вторая рука ложится на лицо, плотно затыкая рот.

Меня втаскивают в приоткрытую дверь пустой аудитории.

Раздаётся щелчок замка.

Я начинаю отчаянно вырываться. Бью ногами по воздуху, пытаюсь вцепиться ногтями в руку, которая зажимает мне рот, но он сильнее. Намного сильнее.

Он разворачивает меня и с силой впечатывает спиной в дверь.

Только сейчас я вижу его лицо.

Демид.

Его светлые глаза смотрят холодно. В них нет ни следа той ленивой насмешки, которая была в холле.

– Тш-ш-ш, – шипит он, наклоняясь ко мне так близко, что его нос почти касается моего.

Я мычу сквозь его пальцы, извиваясь всем телом, но Демид наваливается на меня, прижимая так плотно, что я не могу даже вздохнуть полной грудью. Мои бёдра вжаты в дверь его бёдрами, грудь стиснута. Я чувствую каждый мускул его тела, жар, исходящий от него.

Голова начинает кружиться. Не то от нехватки кислорода, не то от этой подавляющей, почти животной близости.

– Ну же, Тая, не бойся, – цедит Демид сквозь зубы. Его дыхание обжигает мне висок. – Ты же такая смелая, никого не боишься. Так почему сейчас так трясёшься?

Я дёргаю головой, пытаясь сбросить его руку, но он только сильнее сжимает пальцы, больно вдавливая их в мои щёки.

– Я ведь предупреждал тебя, Тая, – его голос становится тише. – Я не люблю, когда мои игрушки не слушаются меня. Но ты, кажется, так и не осознала, как себя надо вести.

Его бесит моя гордость. Бесит, что он не смог размазать меня парой слов в холле. И раз не вышло сломать психологически, он решил задавить меня физически. Показать, кто здесь сильнее.

Он убирает руку с моего рта, но тут же перехватывает мои запястья, пригвождая их к двери над моей головой. Одной рукой.

– Пусти, – выдыхаю я. Голос дрожит, как бы я ни старалась это скрыть. – Ты... ты больной, Орлов.

– Больной? – усмехается он. Его взгляд скользит по моим губам, потом ниже, к ключицам. – Возможно. Но ты сейчас в моей власти. В закрытом кабинете. И я могу сделать с тобой всё, что захочу. А ты даже крикнуть не успеешь.

Он медленно, издевательски проводит свободным большим пальцем по моей нижней губе. У меня по спине бежит ледяная дрожь.

Я пытаюсь ударить его коленом, но он предвидит это и вжимается в меня ещё плотнее, полностью обездвиживая.

– Не дёргайся, – жёстко приказывает он. – Иначе пожалеешь.

У меня темнеет в глазах.

Я не могу дышать. Не могу пошевелиться.

Я полностью в его власти. И он это знает.

Глава 7

Я с отвращением дёргаю головой, заставляя его убрать палец от моих губ.

– Думаешь, напугал? – выплёвываю я, глядя прямо в его светлые, холодные глаза. – Давай, Орлов. Что дальше? Докажешь, какой ты крутой мужик, зажав девчонку в пустом кабинете?

В его взгляде проскальзывает что-то тёмное, тяжёлое. Лицо остаётся непроницаемым, но скулы каменеют.

– Заткнись, – роняет он, и это звучит не как угроза, а как приказ.

Демид вдруг подаётся вперёд, вжимая меня в деревянную поверхность двери так резко, что из лёгких выбивает остатки воздуха. Мои запястья, пригвождённые к дереву одной его рукой, немеют от стальной хватки.

Он наваливается на меня всем телом, не оставляя ни миллиметра пространства. Жёсткая ткань его брюк трётся о мои джинсы. Я чувствую, как его бёдра смыкаются вокруг моих, намертво блокируя любые попытки вырваться.

И тут же, сквозь слои одежды, в самый низ моего живота упирается что-то твёрдое. Горячее. Пульсирующее.

Меня словно бьёт током. Я потрясённо распахиваю глаза, глядя на Орлова, но он даже не пытается отстраниться или скрыть свою реакцию. Наоборот – он вдавливается в меня ещё сильнее, заставляя в полной мере ощутить то, как остро его тело реагирует на нашу стычку.

Моё дыхание сбивается, превращаясь в рваные всхлипы.

Свободная рука Демида ложится мне на талию. Широкая ладонь скользит вверх по рёбрам, обжигая жаром сквозь тонкую ткань футболки, и жёстко обхватывает мою шею, большим пальцем надавливая на подбородок. Он заставляет меня запрокинуть голову.

Он наклоняется так близко, что его губы оказываются в жалком миллиметре от моих. Я чувствую его прерывистое дыхание на своей коже. Взгляд Орлова опускается на мой рот. Замирает там. Пальцы на моей шее сжимаются чуть крепче.

В кабинете стоит мёртвая тишина. Только сумасшедший стук пульса в ушах и звук чужого, тяжёлого дыхания.

Я замираю, забыв, как дышать. Мышцы сводит от напряжения. Жду, что он сейчас сомнёт мои губы, перейдёт эту черту прямо здесь, в университетском кабинете. Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки в его стальной хватке.

Но Демид не целует.

Его губы обжигающе скользят по линии моей челюсти, едва ощутимо касаясь кожи, и останавливаются в миллиметре от уголка моего рта. Он шумно втягивает воздух, и рука на моей шее напрягается, словно Орлов с трудом заставляет себя остановиться. От этого дразнящего, почти интимного контакта по спине прошивает крупная дрожь.

– Вечером, – хрипло произносит он прямо мне в губы. Его голос звучит ниже обычного, вибрируя от сдерживаемого напряжения. – У моего столика.

Он делает ещё одно короткое, жёсткое движение бёдрами, впечатывая меня в дверь – заставляя снова полностью ощутить свою физическую реакцию.

А затем резко отстраняется.

Разрывает дистанцию так быстро и резко, словно отбрасывает меня от себя. Отпускает мои запястья, делает шаг назад. Его лицо снова превращается в ледяную маску, и только тяжело вздымающаяся под рубашкой грудь выдаёт то, что происходило секунду назад.

Демид окидывает меня тяжёлым, нечитаемым взглядом с головы до ног. Открывает дверь и выходит.

Я остаюсь одна.

Ноги мгновенно слабеют. Я сползаю по гладкому дереву вниз, до самого пола, и обхватываю колени трясущимися руками. Губы горят там, где их едва коснулось его дыхание. Внизу живота пульсирует странный, пугающий жар, намертво переплетённый со жгучей ненавистью к этому мажору и к собственной слабости.

Наваждение какое-то или скорее кошмар. Наверно от недосыпа. В голове гудит и после выброса адреналина резко наваливается слабость.

Я с силой тру лицо ладонями, стирая остатки этого дурацкого оцепенения. Щёки горят.

Никаких истерик. Только не из-за Орлова.

Заставляю себя подняться на ноги. Отряхиваю джинсы, хотя на них нет ни пылинки. В отражении тёмного оконного стекла замечаю раскрасневшееся лицо и лихорадочный блеск в глазах. Снимаю резинку, прочёсываю волосы пальцами и стягиваю их в тугой хвост заново, так сильно, что кожу на затылке ощутимо тянет. Эта лёгкая боль окончательно отрезвляет.

Всё. Собралась.

До конца учебного дня я Демида больше не вижу. Он словно растворяется в огромном здании универа, и это даёт мне возможность нормально дышать. Я отсиживаю лекции на чистом упрямстве, машинально строча конспекты. Периодически проваливаясь в дремоту. Спать хочется нереально. Я даже про Демида уже не особо думаю, до кровати бы доползти. Что я и делаю после последней пары. У меня есть 6 часов. Из которых четыре я хочу потратить на сон. Домашку сделаю потом, как эту неделю отработаю. Сейчас главное – продержаться и не свалиться.

Вечером влетаю в клуб через служебный вход за двадцать минут до начала своей смены.

В раздевалке душно, пахнет чужим сладким парфюмом и лаком для волос. Я быстро переодеваюсь в чёрную форму, накидываю фартук, глуша в себе нарастающий мандраж.

В коридоре меня перехватывает Слава. Администратор выглядит так, будто у него обострилась язва. Под глазами залегли тени, он нервно теребит край манжеты на пиджаке.

– Тая, слушай, – начинает он полушёпотом, оглядываясь. – Орлов подтвердил бронь. Второй вип. Их пока трое. Ты... вывезешь сегодня? Если начнёт жестить, скажи мне. Я сам к ним пойду, плевать на эти угрозы про закрытие. Выкрутимся как-нибудь.

Я смотрю на его помятое лицо и вспоминаю, как Слава ругался с бухгалтерией, чтобы выбить мне первый аванс, когда я неделю сидела на одной гречке.

– Всё нормально, Слав, – ровным голосом отвечаю я. – Я буду обслуживать этот столик. Не дёргайся, никто твой клуб не закроет.

Я разворачиваюсь, поправляю фартук и выхожу в зал.

После четырёх часов сна голова соображает на удивление ясно. Тело перестало быть деревянным, я даже чувствую себя бодро.

Правда, неизвестно, надолго ли хватит этого запаса энергии. Надо будет чуть позже выцепить нашего бариста и попросить сделать мне его фирменный, бронебойный коктейль – двойной эспрессо, залитый энергетиком. Сердце после него колотится как сумасшедшее, зато глаза точно не закроются до утра.

Басы бьют по перепонкам, разноцветные прожекторы полосуют танцпол, на котором уже плотно дёргается народ. Музыка долбит так, что пол под ногами вибрирует.

Я поднимаюсь по лестнице в VIP-зону.

Второй столик. Они уже там. Марат со своим разбухшим носом и ещё двое парней из их тусовки. Они громко ржут, заказывают алкоголь и парочку кальянов.

Но Демида среди них нет.

Я принимаю первый заказ, отношу им выпивку. Возвращаюсь к бару. Проходит час. Музыка орёт, клуб забивается под завязку, как банка со шпротами. Я ношусь от стойки к випке и обратно, убираю пустые стаканы, вытираю липкие разводы со стола.

Орлов не появляется.

Сначала меня я даже чувствую облегчение. Не нужно чувствовать на себе его пристальный взгляд. Не нужно сжимать зубы и фильтровать каждое слово, ожидая подвоха или новой издёвки.

Марату и остальным мажорам без их главаря до меня нет никакого дела – они уже подцепили каких-то девиц и заняты исключительно ими. Я просто делаю свою работу. Никто не пытается меня унизить или зажать в угол.

Но стрелки на наручных часах неумолимо ползут к полуночи. Потом к часу ночи.

И чем больше времени проходит, тем сильнее тревога.

Я забираю со стойки грязные бокалы, а сама то и дело кошусь на лестницу. Почему он не пришёл? Он же сам рычал про то, что если я не появлюсь в клубе в десять вечера, то Слава пойдёт искать новую работу. Заставил меня собраться, накрутить себя до предела, мысленно подготовиться к войне.

Вжал в дверь так, что у меня до сих пор запястья ноют.

И просто пропал?

От этой неопределённости начинает потрясывать. Ожидание удара всегда выматывает хуже самого удара. Вдруг он передумал и решил просто закрыть клуб, даже не появляясь здесь? Или это такая больная игра? Специально заставить меня ждать, нервничать и дёргаться?

Я злюсь на себя за эту панику. Да какая мне вообще разница, почему он не приехал?

Нет и отлично. Пусть проваливает к чертям, одним надменным уродом в клубе меньше.

Я отворачиваюсь от лестницы и сгружаю посуду на мойку. Но через десять минут, протирая соседний столик, я снова вскидываю голову и вглядываюсь в толпу, инстинктивно ища взглядом знакомые светлые волосы. И то, что я никак не могу выбросить Орлова из головы, бесит меня куда сильнее его отсутствия.

Глава 8

Смена тянется бесконечно.

К пяти утра я чувствую себя так, будто меня пропустили через мясорубку.

Спина ноет, икры горят огнём, а глаза слезятся от едкого сигаретного дыма и усталости.

Басы, которые раньше просто раздражали, теперь отдаются тупой пульсирующей болью прямо в затылке.

Марат со своей свитой убирается из клуба около трёх часов ночи. После их ухода в зале становится непривычно тихо, словно кто-то выкрутил ручку громкости на минимум. Тяжёлые басы сменяются лёгким лаунджем, посетителей почти не остаётся.

Смена ещё не закончена, но у меня наконец-то появляется возможность немного передохнуть.

Ноги гудят так, будто я пробежала марафон в сто километров.

Я проскальзываю в служебный коридор. Там, в полутёмном закутке возле подсобки, стоит старый продавленный диванчик из кожзама – наше тайное убежище для официантов, где можно спрятаться от камер и администратора.

Я падаю на него, вытягивая ноющие ноги.

Господи, как же хорошо, кажется, что я сейчас растаю от облегчения.

«Только пять минут, – говорю я себе. – Просто закрою глаза на пять минут».

В голове всё ещё крутится дурацкая, навязчивая мысль: *Орлов так и не пришёл.*

От усталости мысли путаются, становятся вязкими.

Я прикрываю веки, и реальность мгновенно уплывает.

…Мне снится Демид.

Он стоит передо мной в полумраке клуба. На его лице играет наглая усмешка хозяина жизни. Злость во сне кажется осязаемой. Я хватаю со стола тяжёлый металлический поднос и со всей силы замахиваюсь, чтобы стереть эту ухмылку с его лица.

Но он быстрее.

Он ловко уворачивается от удара. Поднос со звоном летит куда-то в темноту. Демид перехватывает мои запястья и легко дёргает на себя.

– Ждала меня? – низко звучит его голос.

И вся моя ярость вдруг испаряется. Как будто мне вкололи успокоительное. Мозг кричит, что надо вырываться, но тело объявляет забастовку. Вместо того чтобы оттолкнуть этого придурка, я вдруг расслабляюсь. По венам растекается приятный, горячий кайф, руки перестают сопротивляться. Я делаю шаг навстречу, прижимаюсь щекой к его твёрдой груди и слушаю стук сердца. И мне почему-то так хорошо, что даже злиться лень.

– Ты красивый… – бормочу я, и собственный голос кажется каким-то чужим. Слишком хриплым, пьяным.

Грудь Орлова подо мной вибрирует от смеха.

– Да ладно, – его губы мажут по моей макушке. – Неужели признала?

Я хмурюсь. Что за бред? Пытаюсь пошевелиться, чтобы заглянуть ему в лицо, и тут…

Понимаю, что меня качает.

В нос бьёт запах дорогого табака, кедра и ночной прохлады. Слишком резкий, слишком настоящий для сна.

А под щекой у меня ни фига не облезлый кожзам клубного дивана, а плотная ткань чужой рубашки и горячее тело под ней.

Я моргаю, с трудом сбрасывая сонную муть.

Какой к чёрту клуб?

Я на улице. Жёлтый свет фонарей скользит по жёсткой линии челюсти Демид. Его лицо прямо надо мной.

Он смотрит прямо перед собой.

Мозг выдаёт ошибку 404. Я не на диване в коридоре. Я вообще земли не касаюсь.

Демид несёт меня на руках куда-то.

Сон мгновенно слетает. Меня так прошибает адреналином, что сердце подскакивает куда-то к горлу.

Я дёргаюсь. Ладони инстинктивно упираются ему в грудь.

Под моими ладонями мощно стучит его сердце.

– Ты что… – хриплю я и пытаясь выкрутиться. – Ты что творишь?! А, ну пусти!

Я начинаю брыкаться, но Демиду не обращает внимания. Он даже шаг не сбавляет.

Держит так, что не вырвешься: намертво зафиксировал руку под моими коленями, а второй рукой вжал в себя. Несёт, как свою личную собственность.

Он опускает на меня свои наглые глаза. Ни капли совести или сомнений.

– К себе повезу, – выдаёт он. – Ты же должна мне вечер.

Я снова начинаю отчаянно вырываться. Упираюсь руками в его плечи, пытаюсь высвободить ноги, но это абсолютно бесполезно. В воздухе у меня нет никакой точки опоры, а Демид лишь крепче прижимает меня к себе.

Сильный, зараза!

– Я никуда с тобой не поеду! – задыхаясь от возмущения, бросаю я ему в лицо. – Поставь меня на землю, немедленно! Это ты сам виноват, что не пришёл. И меня совершенно не волнует, какие у тебя на то были причины!

Мы подходим к его машине. Демид даже дыхания не сбивает. Эта его непрошибаемая уверенность в том, что ему всё позволено, просто выводит из себя.

– Ну подумаешь, поработаешь у меня дома, – невозмутимо отзывается он. – Заодно и отдохнёшь. А то я смотрю, ты подустала немного.

Внутри всё вспыхивает от его снисходительного тона. Заботу он тут решил проявить!

– Тебе-то какое дело, устала я или нет?! – я снова напрягаюсь всем телом. – Отпусти меня, Орлов!

Демид останавливается возле пассажирской двери своего внедорожника. В тусклом свете уличного фонаря его глаза кажутся совсем тёмными, а на полных губах мелькает едва заметная усмешка.

– Самое прямое, – бархатным голосом отвечает он. – Мне надо, чтобы ты до конца недели-то продержалась.

Он не даёт мне и секунды на то, чтобы придумать достойный ответ. Легко меняет хватку, свободной рукой дёргает ручку дверцы и усаживает меня на кожаное сиденье.

Как только моя спина касается спинки сиденья, я тут же подаюсь вперёд, намереваясь выскочить обратно на асфальт. Щас, разбежался!

Но Орлов, предвидя, упирается руками в дверной проём по обе стороны от меня, намертво блокируя выход своим телом. Нависает так близко, что я снова оказываюсь в плену этого сумасшедшего.

– Пусти! Ты вообще нормальный? У меня там вещи остались! Сумка, куртка... Я даже не переоделась!

– Завтра заберёшь.

– Я никуда с тобой не поеду. Договор был на вечер, Орлов. Вечер закончился!

– Мой вечер только начинается, – хмыкает он.

Он вдруг подаётся вперёд, наклоняясь ко мне вплотную. Я инстинктивно подаюсь назад, затаив дыхание.

Лицо Орлова оказывается в каких-то сантиметрах от моего. Я вижу, как подрагивают его тёмные ресницы, чувствую тепло его дыхания на своей щеке.

Он просто тянется за ремнём безопасности. Вытягивает ленту, задевая предплечьем мою грудь, отчего меня бросает в жар.

Раздаётся металлический щелчок.

– Сиди смирно и не беси меня, Тая, – негромко произносит он, глядя мне прямо в глаза.

Прежде чем я успеваю открыть рот, Демид отстраняется и захлопывает дверь прямо перед моим носом. Следом слышу звук блокирующихся дверей.

Я дёргаю ручку – бесполезно. Кажется, меня похитили! всё это напоминает какой-то сюр или кошмар, когда события не поддаются никакой логике.

Открывается водительская дверь, Демид опускается на сиденье рядом.

В салоне моментально становится слишком тесно, словно он заполнил собой всё пространство, вытеснив весь кислород.

Двигатель заводится с низким рыком.

– Куда мы едем? – скрещивая руки на груди и впиваюсь в него пристальным взглядом.

Демид плавно выруливает с парковки и бросает на меня короткий взгляд.

– Я же сказал. Отрабатывать долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.